

Михаил КОЗАКОВ

Человек, рожденный для дружбы

Вет. пилот - 1998
12 окт. - е.с.

На сцене "Современника" я играл с ним одиннадцать лет, но знал его гораздо больше. Мы — однокурсы.

Я учился на втором курсе Школы-студии МХАТ, когда к нам неожиданно поступил уже состоявшийся, поигравший в провинции актер. Он был на десять лет старше меня. Не знаю, как сейчас, но тогда студенты сидели на вступительных экзаменах. Нам было интересно, кто к нам приходит. И сразу стало ясно, что перед нами нечто удивительное, чудо какое-то. Никогда не забуду, как Женя читал монолог Антония из "Юлия Цезаря". "...А Брут великолепный человек!" Неподражаемая интонация — ирония и уверенность вместе. И еще чеховский рассказ, по-моему, "Разговор человека с собакой".

Конечно, он был принят, и сразу к нам на второй курс. Это стало нашим везением. Семнадцать человек, среди них Басилашвили, Доронина, Сергачев, Галя Волчек, я... Мог бы еще называть людей, нашедших свою театральную судьбу. И вот к нам добавился этот "пожилой" — ведь под тридцать! — лысый человек. Эта его знаменитая лысина, по-моему, он родился лысым — так она ему шла! Тогда еще худой!..

Шел 1954 год. Первый послесталинский год, время первого вздоха, время надежд. Мы тогда часто собирались — не могли друг без друга. Однажды собрались у меня на Пятницкой. Еще был жив мой отец, Михаил Эммануилович, он обожал наши собрания.

Женя взял в руки гитару и запел: "Улица, улица, улица широкая, отчего ты, улица, стала кривобокая!" Играл он замечательно, пел хорошо, гитара у него звучала удивительно. Не один я, вероятно, многие вспомнят, что он был барабанщиком в джазе.

Сидели, естественно, с водкой, с купленными пельменями — тогда это студентам было доступно. Мы все были веселыми, время хорошее, Сталин уже "помер", пахло "оттепелью", дававший страх стал уходить...

Когда все разошлись, папа сказал: "Знаешь, Мишка, этот Женя — самый талантливый из вас!"

Он действительно был артист от Бога.

Он был образцом некарьерного человека. Он прошел свою жизнь, оставаясь незапятнанным, никогда не участвовавшим в сомнительных делах. Он был, например, членом партии. Теперь многие ставят себе в заслугу, что они не были коммунистами, как будто дело в членском билете! Ефремов сказал ему: "Женя, почему в партии у нас должны быть одни малоодаренные актеры — вступи!" И он вступил, ибо это было нужно для здорового климата

в театре, как говорил Ефремов.

Он был первым актером в "Современнике", protagonистом, как и Ефремов, и он был из "компашки".

Мы с ним дружили. Он начинал сниматься в моем фильме "Последняя жертва" в 1981 году, играл роль Фрола Федулыча, начинал пронзительно. Но у него случился инфаркт. Я навестил его в больнице. Он сказал: "Миша, замений меня, они меня отсюда скоро не выпустят, а у тебя сроки!"

В последние годы он имел право выбирать, хотя был образцом нерасчетливого человека, в том числе и по отношению к своему здоровью.

В последнем моем фильме "Тень" я предложил ему роль Первого министра. Он откровенно спросил (и ему это было совсем непросто): "Миша, а сколько платят?" Я честно сказал... Может быть, не время сейчас вспоминать (а когда время?), но позорная эксплуатация таланта была и есть норма государственного к нему отношения. Он сказал: "Миша, старик, я уже не могу играть за такие деньги!"

Он был человеком, рожденным для дружбы, доброй и верной.